

ЗАКАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ В ЗАВОЛЖЬЕ В 1732 Г.

Самара. Самарский государственный университет

В последние годы автором опубликован и подготовлен к печати ряд статей, посвященных деятельности в Заволжье Закамской экспедиции, проектированию новой оборонительной линии и началу ее возведения осенью 1731 г. [1]. В настоящей публикации, продолжающей разработку данной темы, затрагиваются вопросы организации строительных работ на линии в следующем 1732 году.

Зимой 1732 г. руководители Закамской экспедиции Ф.В. Наумов и И.А. Бибиков направили в вышестоящие центральные учреждения свои предложения о подготовке к новому строительному сезону. По мнению Наумова, если делать Закамскую линию «как ныне начата и палисаднику не ставить», то есть не укреплять вал палисадом, то при соблюдении всех его предложений можно выполнить все работы в два года. Но для этого, как он считал, необходимо было очень напряженно поработать зимой-весной 1732 г. Заготовку инструмента, сбор материалов и продовольствия следовало завершить к середине мая, для того чтобы уже с 15 числа начать строительные работы. На сооружении линии, по предложению Наумова, необходимо задействовать в каждую смену не менее 10000 человек. Средства для оплаты их труда должны быть собраны заблаговременно из четырехгривенного сбора [2].

Однако, успешное выполнение подготовительного цикла зависело не столько от руководства экспедиции, сколько от позиции и действий центральных учреждений и местных губернских и провинциальных властей. Речь шла как о стратегических вопросах расположения линии, этапах ее строительства, инженерных решениях, так и о снятии межведомственных проблем между чиновниками различных ведомств, местными властями и руководством экспедиции; о длительной организационной работе, проводившейся на уровне властей Казанской и близлежащих губерний по обеспечению инструментами, материалами, продовольствием, деньгами, рабочей силой, предоставлении лошадей для перевозки леса, наконец, охране района строительства и т.д. Все это необходимо было совершить в кратчайшие сроки, ко времени, когда установится теплая погода.

В конце апреля Военная коллегия и Канцелярия главной артиллерии и фортификации подготовили и представили в Сенат совокупность документов, в которых была четко сформулирована программа всей деятель-

ности Закамской экспедиции на 1732 год. В них отразились важнейшие рекомендации Военной коллегии, которая в соответствии с указом от 18 марта должна была «определение учинить» «каким образом линию и крепости и засеку делать» [3]. Речь, прежде всего, шла об инженерном обеспечении проекта, которое должна была произвести Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Последней предписывалось незамедлительно принять решение о планах и профилях оборонительных сооружений. Инженеры коллегии рекомендовали: «Вести оную линию по искусству инженерному как возможно прямее... чтоб линия была короче и по ней крепостей меньше, ибо на великой дистанции построя многия крепости и линии, надлежит впредь починивать». Количество крепостей на линии должно было соответствовать следующему принципу, принятому в российском инженерно-оборонительном искусстве: «а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться». Дополнительно к крепостям предлагалось на опасных местах построить редуты или фельдшанцы. Через лесные массивы, где кочевники могли просочиться незаметно, должны были идти засеки; в труднопроходимых заболоченных и залесенных местах укрепления можно было не строить. Ров предписывалось копать глубиною не менее 7 футов, а шириною 15 футов. Гласис поднять выше «горизонта» на 2 фута. Наружные крутости линии необходимо было усилить дерном или плакверком. Для удешевления строительства предлагалось следующее новшество «по всей оной линии и по всем редутам и редангам... вместо палисаду насадить часто терну, клену, липы и вязу и прочаго к тому делу пособного лесу, чтобы из оная учинить плетень». Таким образом, в документе были заложены основные принципы сооружения линии.

Военная коллегия посчитала, что запрос Наумова на использование в строительстве линии по 10000 крестьян в каждую из двух смен является завышенным. Взамен было предложено в первую смену послать к работам – 5000 человек, во вторую – 10000. Одновременно с крестьянами рекомендовалось использовать на строительстве не менее половины из наличного состава пригородочных солдат. Местным губернским властям в Казани было предписано приготовить необходимое количество носилок и тележек. Вozить лес для строительства предлагалось на лошадях драгун и только в том случае, если их не хватит на «обывательских». Для защиты рабочих в середине мая с зимних квартир из-за Камы в район строительства должны были выдвинуться 3 драгунских полка. Кроме того, здесь должен был встать Казанский гарнизонный драгунский полк. Из набранных вновь «прежних служб» двух ландмилицких полков, руководству экспедиции предполагалось «учредить один полк пехотный, другой – конный, чтобы

при одной линии всего было три полка конных, а четвертый – для содержания крепостей – пехотный».

Планировалось, что уже в 1732 г. на линии будет построен ряд долговременных оборонительных пунктов, куда можно было бы определить людей для поселения. И еще одну проблему попытались учесть в документе – мирные и дружественные отношения с башкирами, промысловые угодья которых оказались внутри строящейся линии. Предлагалось, чтобы не беспокоить башкирское население, свободно пропускать его через черту для хозяйственных работ. Наконец, вместо находившегося полковника И. Оболдуева в помощь Наумову определялся бригадир С. Друмант, который после заселения линии должен был стать руководителем всех вооруженных сил, размещенных по ее укреплениям. Все эти материалы 25-26 апреля были представлены в Сенат для вынесения окончательного решения [4].

Напомним, что Наумов предполагал, при условии удовлетворении его просьбы о количестве и времени использовании рабочей силы на строительстве, завершить его в течение 2-х лет – до конца 1733 года. Решение Военной коллегии, да и обычные по тем временам неурядицы с началом работ, темпами мобилизации крестьян должны были отодвинуть этот срок на один – два сезона, что, собственно говоря, и произошло.

К концу апреля все важнейшие вопросы в Кабинете министров, Сенате, Военной коллегии и ее канцеляриях были отрегулированы. 30 апреля руководство Казанской губернии получило указ Анны Иоанновны о содействии работе экспедиции и реализации всех указанных ранее решений [5]. Позднее, 19 мая казанскому губернатору Мусину-Пушкину был направлен еще один указ из Сената [6]. Новый строительный сезон должен был показать, насколько эффективными оказались предварительные мероприятия. Но, вполне очевидно, что подготовиться к началу линейных работ, которые намечались уже на 16 мая, губернское начальство успеть не могло.

К тому же, к весне 1732 г. руководство экспедиции оказалось фактически обезглавленным. Ф.В. Наумов до конца апреля задержался в Москве. Гвардейский подпоручик И. Давыдов так и не возвратился из Санкт-Петербурга. Полковник И. Оболдуев был отставлен от всех дел и находился под следствием. В Заволжье из командного состава оставался один И.А. Бибииков, да назначенный вместо Оболдуева, но, неизвестно, знавший ли об этом, бригадир С. Друмант. В Заволжье не оказалось человека, который должен был постоянно «подталкивать» казанскую и симбирскую администрацию к активным действиям по мобилизации рабочей силы, подготовке инструмента, сбору продовольствия, денежных средств и т.д.

Если замена Оболдуева была очевидна и понятна и, видимо, принесла пользу последующей деятельности экспедиции, то с отставкой князя И. Давыдова все было сложнее. Присутствие князя в Заволжье существенно помогало в налаживании отношений с местной администрацией. От Нау-

мова был убран человек, осуществлявший кабинетский и сенатский контроль за строительством линии [7]. Собственно говоря, в течение первой половины 1732 г. такого надзора и не было, т.к. Давыдов так и не появлялся в Заволжье после зимней поездки в Санкт-Петербург [8].

Для Наумова все просчеты, допущенные в подготовительный период 1732 г., стали очевидны, как только он появился в Казани, а затем 1 мая приехал в Симбирск. Выяснилось, что в губернской канцелярии еще не получили указ о наборе работников и «делании» инструментов (он пришел в Казань лишь 30 апреля, когда тайный советник уже уехал в Симбирск). Такого указа не было на руках и у самого Наумова. К тому же он не смог получить от Миниха утвержденные планы новой линии. К началу строительного сезона руководство экспедиции, практически, оказалось без основных нормативных документов [9].

Все вышеуказанные причины привели к значительной задержке начала линейных работ. Голько к 16 июня, месяцем позднее задуманного, на линейную работу явились 1007 пригородочных солдат, а с 24 июня начали приходить присланные из Казанской губернии партии крестьян. Окончательно их удалось собрать только к 7 августа (табл. 1).

Таблица 1

Сроки прихода и количество рабочих людей на строительстве линии в июне – августе 1732 г.

№	Даты прихода	Количество людей
Июнь		
1	24	176
2	26	541
Июль		
3	4	593
5	8	1969
6	14	1306
7	18	132
8	22	145
9	25	212
Август		
10	5	40
11	7	15
Итого		5129
ВСЕГО: вместе с пригородочными солдатами		6136

К этому количеству рабочей силы следует прибавить 105 срыклинских солдат, присланных для рубки леса 8 июля.

Таким образом, основная масса рабочих, исключая пригородочных солдат, явилась в конце июня – первой половине июля (с 26 июня по 14 июля включительно). Из 5109 человек в эти дни прибыло 4409 или 86% всех мобилизованных на работы крестьян [10]. В своем донесении в Сенат Наумов жаловался, что, несмотря на все «промемории», направляемые в Казанскую губернию, количество присылаемых оттуда рабочих людей, совершенно недостаточно [11].

Потому-то, сроки «линейных работ» значительно сдвинулись. Вместо 16 мая они начались только 17 июня. Соответственно, первая смена, отработав положенные 3 месяца, завершилась лишь 19 августа. О первых днях строительства сохранилось красноречивое свидетельство Бибикова, приведенное им в рапорте к Миниху от 20 июня. Капитан-поручик писал, что после прихода к Алексеевску первой партии «пригородошных» солдат, Наумов приказал ему «...линейную работу показать, дабы пришедшие работники празны не были. И по силе оного ордера принужден в оную линейную работу показать по усмотрению ситуации выше пригородка Алексеевска от устья реки Кинели. И сего июня 17 дня оная линейная работа зачята и того дни работы болея не продолжалось одного часа и дан для зачатия шебаш... А в зачатии линии зделан будет редут. А ныне обращаетца в работе земляной 900 человек и при них у надзирания обер афицеров 2, ундер афицеров 20 человек; в лесу у плотничей работы рядовых 150, кузнецов у починки инструментов и у протчего 11 человек, а губерньские работники еще не прибыли...» [12].

Характерно, что более месяца инженерам экспедиции пришлось работать без основополагающих документов – инструкций, содержащих сведения о параметрах укреплений, валов, рвов, методике их возведения и т.д. Тот же Бибиков собщал в Канцелярию, что: «...в отделку делается заложения бруствера с высотой с крутостью внутрсиню и банкет по присланной профили из Главной канцелярии артиллерии и фортификации, а наружная крутость бруствера от ложа одним футом, понеже квалитет земли так допускает делать и делается плака верх, а дерну не иместца ибо план и ланткарт о строении крепостей тако ж профиль о строении линси с промемории получал при ордере... Наумова июля 24, копан был ров точию шириною в 7 фут (немногим болсе 2 м – Э.Д.), глубиною в 7 фут, а в отделку делать зачели с получения вышепомянутого плана и профили, а препорции редантов ничего в присланной промемории... не сказано» [13].

Несомненно, что для оторванных от своего хозяйства крестьян, работа на линии была тяжелейшей повинностью, губительно сказывавшейся на их имущественном состоянии и здоровье. Сухие статистические данные о количестве людей, занятых ежедневно на работах, болевших, умиравших и бежавших дают вполне очевидное представление об этом (табл. 2) [14].

Таблица 2

Рабочая сила на строительстве укреплений в июне – июле 1732 г.

Месяцы, дни	Количество ра- ботавших	Коли- чество боль- ных	Оставлен- ные при ла- гере, у та- бунов, на караулах и на кухне	Количе- ство бе- жавших уездных работни- ков	Количе- ство умерших уездных работни- ков
Июнь					
17	300	-	-	-	-
18	воскресенье	-	-	-	-
19	881	30	96	-	-
20	878	33	96	-	-
21	886	25	96	-	-
22	883	28	96	-	-
23	879	32	96	-	-
24	день святого Ио- анна, выходной	-	-	-	-
25	воскресенье	-	-	-	-
с 26 июня по 7 июля	не работали из- за опасности эпидемии	-	-	-	-
Июль					
7	2152	69	136	-	-
8	4206	89	96	-	-
9	воскресенье	-	-	-	-
10	4212	83	96	-	-
11	4201	94	96	-	-
12	4203	92	96	-	-
13	4204	91	96	-	-
14	5515	86	96	-	-
15	5516	85	96	-	-
16	воскресенье	-	-	-	-
17	5529	72	96	-	-
18	5618	115	96	-	-
19	5612	121	96	-	-
20	5613	120	96	-	-
21	5611	122	96	-	-
22	5786	92	96	-	-
23	воскресенье	-	-	-	-
24	5763	115	96	-	-

25	5902	125	159		-
26	5962	135	89	-	-
27	5922	174	90		-
28	5911	185	90	-	-
29	5912	184	90	-	-
30	воскресенье	-	-	-	-
31	5912	184	90		
Август					
1	5785	201	162	35	3
2	5787	198	163	-	-
3	5786	191	165	5	1
4	5786	199	157		
5	5781	204	196		1
6	воскресенье	-	-	-	-
7	5763	230	195	8	
8	5752	243	193		-
9	5749	249	181	8	1
10	5748	251	170	10	
11	5748	251	167	2	1
12	5740	259	128	39	
13	воскресенье	-	-	5	-
14	5711	261	142	8	
15	день Успения Богородицы, выходной	-		6	
16	5653	279	175	1	-
17	5682	291	131	2	1
18	5609	277	221	-	-
19	5649	314	143	1	
20	воскресенье	-	-	-	-

Длительный перерыв в работах в конце июня - начале июля был связан с опасениями возможной эпидемии. На одном из драгун Вологодского гарнизонного полка, прикрывавшего район строительства, была обнаружена язва, признанная врачом, обретавшимся в экспедиции «опасной». Между Наумовым, губернской канцелярией и даже Сенатом завязалась переписка. Все работы были приостановлены, а «команды разведены по разным местам». Вопрос встал о полной изоляции района работ и об устройстве «застав». В этом отношении очень интересно «определение» Сената от 11 июля, которое предписало в случае обнаружения действительной опасности эпидемии, ввести в Заволжье весь комплекс противоэпидемиологических мер. Сам же тайный советник усомнился в квалификации сво-

его «медицинского работника». И действительно, комиссия из 3-х полковых врачей, присланных их Казани, во главе со «старшим лекарем Крестьяном Шпером», признала эту болезнь не опасной. С 6 июля вновь началась «линейная работа» [15].

С 7 июля наступил наиболее продуктивный период с точки зрения использования рабочей силы. С 14 июля по 19 августа ежедневно, за исключением выходных, на линейной работе было занято одновременно не менее пяти с половиной тысяч работников, т.е. даже более того количества, которое планировалось использовать в первую смену. Однако, с начала августа в работе экспедиции, явно, обнаруживаются признаки кризиса. Гораздо больше стало больных. Видимо, сказались холодные ночи и перемены в погоде. За 19 дней умерло 8 человек. Если за всю вторую половину июня и весь июль не было ни одного беглого, то за 19 дней августа ушло с работ 130 человек. Из них только 1 августа бежало 35 человек, а 12 августа - 39.

В соответствии с утвержденным проектом, работы в 1732 г. должны были осуществляться на участках «от Алексеевского до Красного Яра» и «от Сергиевского до Тарханского леса, а чрез Тарханский лес засеку, а от Тарханского леса до реки Кичуй линией». Наиболее удобным, по всей видимости, был первый участок. Его, исходя из текста указа, следовало делать в первую очередь. К тому же здесь строители могли опереться на воинские гарнизоны и материальные ресурсы Самары и Алексеевского.

Строительные работы в 1732 г. развернулись на 2-х участках от р. Самары до Сока (Красноярская крепость) - и от пригорода Сергиевска в сторону р. Кичуй [16]. Строительство первого - начали от Кинельского редута, устроенного несколькими километрами восточнее пригорода Алексеевска, на правом берегу р. Большой Кинель, неподалеку от ее впадения в Самару. Провести прямую линию от Кинельского редута к Соку не удалось, но строители попытались максимально придерживаться ее, уводя вал и ров от кратчайшего направления только в случае крайней необходимости. Как и планировалось, при пересечении р. Падовки был устроен «редут Красный и при высоком месте и с которого по линии до Кинельского редута и до Красного Яру ежели захочутца маяки можно видеть». Участок должен быть завершиться крепостью, выстроенной на берегу реки Сок, при впадении в нее Кондурчи. Были ли устроены на всем протяжении этого участка маяки, неизвестно? Любопытно, что в начале июля руководству экспедиции пришлось поменять направление строительства. Выше говорилось, что линию начали возводить от устья Большого Кинеля. Но, после противозидемических мер и последовавшего за этим «конского падежа» в Алексеевском и в стоящих под пригородом воинских командах, решили вывести работных людей и воинские силы из опасной зоны и строительство повели от Сока на юг к р. Самаре [17].

Итоги работы первой смены были отражены в особой ведомости. Запись в ней гласила, что всего выкопано рва и насыпано вала «не в отделку»

от р. Сок к Самаре на 25 верст. Из этого числа «в отделке плакаверка отделано малого вала [или бруствера] на две версты 400 сажен. Банкету сделано на 12 верст, рва окончено на 11 верст...». Кроме того, ерыклинские солдаты заготовили 7200 бревен строительного леса по рекам Соку и Кондурче [18].

От сезона прошлого 1731 г. недостроенной осталась Красноярская крепость, возводившаяся на правом берегу р. Сок при впадении в нее Кондурчи. Однако, в конце лета 1732 г. у руководителей экспедиции возникли серьезные сомнения в правильности выбора места под это оборонительное сооружение. В донесении в Сенат от 21 августа Ф.В. Наумов сообщил мнение И. Бибикова о том, что крепости лучше быть на левом берегу, т.е. в урочище Красный Яр «отколь зачата линия к Алексеевску». Вместе с тем капитан-поручик показал весьма взвешенный и серьезный подход к решению данного вопроса. Его аргументация в пользу переноса крепости состояла, во-первых, в том, что в новом месте крепость будет действительно привязана к линии и, во-вторых, там «вода лучше». Но вместе с тем, он допускал, что вся территория в самаро - сокском междуречье, вплоть до устьев Большого Кинеля и Кондурчи могла быть отведена в хозяйственное пользование жителям Самары и Алексеевского, так что и крепость у Красного Яра строить будет не на чем. Бибиков, видимо, не располагал конкретными данными о размежевании земель в этом районе в конце XVII – начале XVIII вв., но знал, что оно было. Там же, где в прошлом году был «заложен палисадник крепости место хотя и удобно, но за поемными лугами привязать к линии неудобно» [19].

Уже в первые дни строительства выявились трудности, связанные с нехваткой опытных инженеров. В процессе производства линейных работ необходим был постоянный контроль за их качеством, соблюдением всех фортификационных требований. Фронт строительства был чрезвычайно узким, рабочая сила растянулась вдоль линии на значительное расстояние. 20 июня Бибиков писал Миниху, прося казенных лошадей для своих подчиненных: «...требует нужда смотреть во всех местах, дабы по профилям было зделано окуратно, а пешим усмотреть невозможно» [20]. К тому же, с 28 июля надолго выбыл из строя инженер прапорщик Вельяминов-Зернов, заболевший «жестокой горячкой» [21].

Серьезные проблемы возникли в применении в условиях Заволжья принятой в первой трети XVIII в. технологии сооружения укрепленных линий. На степном участке междуречья Самары и Сока, практически не удалось обнаружить дерн для укрепления откосов бруствера и рва. Поэтому пришлось прибегнуть к плакированию – механическому упрочнению их поверхностного слоя. Этот способ по канонам тогдашней фортификационной науки вполне можно было использовать, хотя он гораздо хуже защищал укрепления от водяной и ветровой эрозии. Но для такого плакирования (делать «плакверю» или «отделка плакаверка», как писали инженеры экспедиции), нужно было много воды для увлажнения наружного

слоя поверхностей вала и рва. Как только строительство удалилось от Самары и Сока вглубь степной территории, воды стало не хватать. Везти ее издалека было, практически, невозможно. Поэтому Бибииков и его инженеры придумали весьма оригинальный способ плакирования, суть которого была изложена в рапорте капитан-поручика в Канцелярию главной артиллерии и фортификации: «...крутости бруствера как наружная так и внутренняя обделывается за неимением дерна плака верк и за отдалением воды оной плака верк деласца приставлевая доски к круностям и крепко с малою поливкою водою убивают чекмарями и ручными бабами дабы земля крепче садилась и по лекалом за недовольною водою делать невозможно» [22]. Более литературно этот же способ изложил Наумов, обращаясь к Миниху: «...чтоб остановки не учинить в отделке линии... делают таким образом, что весь вал с обе стороны обняя досками и за доски сыплют чернозем и поливают водою и убивают чекмарями и от того немалая мешкота происходит а паче, что воду не блиско везить» [23]. Судя по этим двум, дополняющим друг друга описаниям, строители использовали метод скользящей опалубки, нередко используемый в современном строительстве.

Природа, практически, степного района задала строителям еще одну сложную задачу. Плошадку на уровне земной поверхности между внутренним откосом рва и бруствером, шириной в несколько футов, полагалось укреплять либо палисадником, т.е. забором, либо посаженными по ней кустарником и деревьями «терновником или кленом и липнягом или другим к тому способным». Это была общепринятая практика. Но в окрестностях строительства леса не было, кроме малорослого дикого «вишневаго», который для этих целей совершенно не годился. Поэтому, руководство экспедиции просило Канцелярию главной артиллерии и фортификации разрешить вместо живого дерева использовать колья ветлы и осокоря, которые вполне могли приняться и разрастись в «живой плетень» [24]. Нужно отметить, что Миних с полным пониманием и одобрением отнесся к таким вынужденным изменениям в технологии линейных работ [25].

Во вторую смену предполагалось задействовать уже 10000 присланных крестьян. Однако в реальности к работам явилось немногим более половины - только 5635, которых продержали до 20 октября. Кроме них были использованы пригородочные солдаты – около 1000 человек из тех, которые не были заняты в первую смену [26]. Ведомости о ежедневной занятости рабочей силы не сохранились.

Рабочие второй смены должны были завершить сооружение вала на самаро-сокском участке. В итоге протяженность рва и вала здесь была доведена до 29 верст 206 сажен [27], что не совсем понятно, т.к. общая протяженность линейного участка от Кинельского редута до Красноярской крепости составляет всего 25 верст (около 26,7 км). Возможно, в отчетные документы просто вкралась ошибка. На участке, который был начат в конце августа, от пригорода Сергиевск к р. Кичую, продолжалось строитель-

ство вала и рва от Казанского оврага, то есть от тех укреплений, которые были возведены осенью 1731 г. Линия здесь перевалила через р. Кондурчу и подошла к Тарханскому лесу, где были устроены засеки. Характерно, что на этом, весьма протяженном участке, в 1732 г. не было устроено ни одного редута, фельдшанца или крепости. По всей видимости, для войск, охранявших эту территорию, помимо Верхнекондурчинского редута, указанного еще на картах 1731 г., был построен второй - Малопавский на р. Малой Павке. Кроме того, неподалеку имелся еще один редут, возведенный еще до организации Закамской экспедиции, – Липовский.

На участке между частично построенной Красноярской крепостью и пригородом Сергиевским строительные работы в 1732 г. году не велись. Для того, что бы хоть как-то защитить это направление, использовался редут Ольшанский на правом берегу Сока.

Во вторую смену на строительстве должны были задействовать больше людей, чем в первую. В связи с этим, сразу же обнаружилась нехватка инструментов, значительная часть которого вышла из строя в июне - августе. Наумов сообщал Миниху, что в Казани инструментов нет и если их не пришлют, то все работы встанут. Для изготовления необходимого инвентаря в самой экспедиции были собраны все кузнецы, налажено свое производство, где ремонтировались лопаты и кирки, пришедшие в негодность. И все же положение оставалось тяжелым. Сообщалось, что, часть рабочих «...за неимением землю... роют сошниками и деревянными лопатами накладывают» [28]. Тяжба о поставках инструмента затянулась практически до конца осенней смены. Еще 12 октября Миних пытался заставить губернские власти выслать его в экспедицию, возлагая ответственность за это дело лично на губернатора [29].

Весь ход работ на линии в 1732 г. был представлен в отчетах Бибикова в Канцелярию главной артиллерии и фортификации [30]. Интересно сравнить эти материалы с отчетами генерал-майора Дебрины, в это же время руководившим инженерами на строительстве Украинской линии. Последний, в отличие от Бибикова, прекрасно понимал великую силу хорошо составленного документа. Его отчеты прекрасно оформлены, подробны, содержат массу статистического материала, сведенного в таблицы, многочисленны и вполне естественно должны были вполне соответствовать вкусу педантичного Миниха. Бибиков же в своем бумаготворчестве вполне соответствовал характеристике, данной ему при аттестации в Инженерной школе, «в деле своем не отправен» [31], что, впрочем, не помешало ему в октябре 1732 г. получить очередной чин капитана [32], а ко времени Семилетней войны вырасти в одного из лучших военных инженеров России.

Вновь, как и в прошлом году, одной из самых сложных оставалась задача финансирования экспедиционных расходов. Сенатский указ, направленный в Казанскую губернию, обязывал местные власти направить для

пригородочных солдат, занятых на линейной работе, из 4-х гривенного сбора на заработную плату 5000 рублей, да тем же солдатам, возившим лес и принасы из «неположенных в штат доходов» 3600 рублей. Но и этих денег явно было недостаточно. Да и из них, в начале осени 1732 г. Наумов взял у казанского дворянина, привозившего в экспедицию деньги, 500 рублей на мелочные расходы и на дачу приказным служителям и геодезистам 2000 руб. Проблему финансирования этих статей разрешил сенатский указ, появившийся в начале января 1733 г. Он позволил руководству экспедиции брать на канцелярские расходы и на жалованье приказным людям и геодезистам по 1000 руб. ежегодно [33].

Но общие затраты на содержание закамской ландмилиции были намного выше. Для содержания 4-х полков в 1732 г. была назначена сумма в 48000 рублей, из которых, судя по указу 12 октября 1732 г., только 9811,6 руб. покрывалось за счет 4-гривенного налога [34]. Всего же на содержание ландмилицких украинских и закамских полков и «на обретающихся при них генералитет» по императорскому указу и приговорам Сената от 12 октября и 16 ноября 1732 г. затраты составили 301192, 97 руб. в год [35].

Значительные средства уходили на выплаты мобилизованным крестьянам и на другие расходы. Руководство экспедиции на время летних работ заготавливало крупные запасы продовольствия. В принципе работники должны были сами обеспечивать себя продуктами. Но для тех, кто этого не смог сделать, запасли 5000 четвертей круп. Этот провиант получали работные люди, которые не привезли достаточно своих продуктов, но руководство экспедиции, соответственно, уменьшало им выдачу жалованья. Кроме того, в район строительства завозилось большое количество вина [36].

Завершая работы 1732 г. руководство экспедиции не забывало о необходимости подготовки к новому сезону. Осенью 1732 г. Наумов обратился в Сенат с просьбой разрешить в «будущее лето» те ландмилицкие полки, которые должны были участвовать в строительстве, не ставить на земляные работы, а занять их «для себя строить, где имеется поселены быть всякое строение на Красном Яре, где линия отделана и на Соку» [37]. По просьбе тайного советника, вместо Друковцева в экспедицию с повышением чина перевели симбирского канцеляриста Афанасия Киндякова [38], который в 1733 – 1736 гг. осуществлял всю практическую работу по размежеванию земель.

После завершения работ и роспуска полков со строящейся линии, руководство и постоянные сотрудники экспедиции остались в Заволжье. Лучшим вариантом для «зимних квартир» был Симбирск, центр одноименной провинции и сравнительно крупный по тем временам город, с большим фондом удобных жилых помещений. К тому же он находился относительно недалеко от района строительства. Штаб Наумова в Симбирске

разместился в 93 купеческих дворах, да еще 196 понадобилось на квартиры для «разных команд» [39].

Можно сделать вывод, что именно в 1732 г. развернулись полномасштабные строительные работы по сооружению новой оборонительной линии. Их организацию и проведение, несмотря на многочисленные трудности и неисправности можно признать вполне удовлетворительными. Вместе с тем, для руководства экспедиции, центральных и местных казанских властей этот год явился временем осознания того, что данное предприятие дело гораздо более сложное и трудоемкое, чем это задумывалось ранее.

Литература

1. См: Дубман Э.Л. У истоков Закамской экспедиции // Краеведческие записки. Вып. X. Самара, 2003; Его же. Военный инженер Илья Биби́ков и строительство Новой Закамской линии // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сборник статей и материалов III Международной научно-практической конференции «Самарский край в контексте мировой культуры. Идеи и судьбы». 10-15 июня 2003 г. Самара, 2003; Его же. Начало работ Закамской экспедиции в Заволжье в 1731 г. и первый проект строительства новой оборонительной линии // Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Медведева. Самара, 2003; др. работы.

2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л.38-53, 82-85.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗ-1). Т. VIII. № 5993. С. 659.

4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 89-90об.; РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 1—2об.; Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. С. 92.

5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 162.

6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 118

7. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее Сборник РИО). Т. 104. С. 302–304.

8. Сборник РИО. Т. 104. С. 303

9. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее А ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 352-352об.

10.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216-216об.

11.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253.

12.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467.

13.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523.

- 14.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 216об.-217.
- 15.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.
- 16.Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.
- 17.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889. Указы 1732 г.
- 18.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 218об.
- 19.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 214об.-215.
- 20.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 426.
- 21.Там же. Л. 575.
- 22.Там же. Л. 575.
- 23.Там же. Л. 577об.
- 24.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523об., 575, 577об.
- 25.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 87. Л. 294.
- 26.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 25об.
- 27.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 208.
- 28.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 577.
- 29.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 607; Д. 87. Л. 293-294.
- 30.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 467, 523-525.
- 31.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 299.
- 32.А ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 104. Л. 26.
- 33.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 2-5.
- 34.Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. Т. 2. М., 1902. С. 182.
- 35.Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке. Т. 2. М., 1902. С. 182.
- 36.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 24об.
- 37.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 22-22об.
- 38.Сборник РИО. Т. 104. С. 403.
- 39.РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288, 289.